

УДК 13.130.1

Черниенко В.А.

К ОБОСНОВАНИЮ ЛОГИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

У статті з позицій соціології знання розглядається проблема персональної та колективної ідентичності. Показано, що ідентичність є нарративним, дискурсивним поняттям. Контекст проблеми виявив необхідність корелятивного відношення понять ідентичність, самосвідомість, світогляд. Зроблено висновок, що основні властивості матерії – стійкість та незмінність, дискретність та неперипинність – абстраговані мовою діалектики у формі суб'єктів історії, що набувають свою ідентичність у дискурсах (нарративах).

Ключові слова: ідентичність, нарратив, дискурс.

The problem of personal and collective identity is being considered from the position of sociological knowledge. Identity is a narrative, discursive idea is being showed. The context of the problem discovered necessity of correlative relation of ideas identity, self-awareness, philosophy of life. Conclusion is made that main properties of matter – stability and changeability, discretion and uninterrupted – is absorbed by the language of dialectics in the form of individuals of history, which gain its identity in discourse (narrations).

Key words: identity, narration, discourse.

Традиционная философия истории (метафизика истории, историцизм) не затрагивала наиболее существенных проблем исторического знания. Важность изучения природы исторического исследования не осознается метафизиками-историцистами и сегодня. То, что нарративы (историографические проекции) строятся по особым правилам, было осознано научным сообществом сравнительно недавно. Интерпретация результатов исторического исследования посредством повествования (исторического нарратива) была признана центральной ценностью и стала предметом философии исторического нарратива (см., например, [1]). Полагают, что теория суждений Г. Лейбница, основанная на принципе «*praedicatum inest subjecto*» (предикат содержится в субъекте), особенно полезна для понимания нарративной логики. Борьба исторически прогрессивных «измов» с метафизикой-как-метанаукой привела к утверждению метафизики-как-мировоззрения. Главное здесь для нас, что эти исследования способны приоткрыть завесу над природой идентичности, самоидентичности, «Я» исторических субъектов.

Целью статьи является научно-философское обоснование логики исторического нарратива.

Специальный термин «нарратив» (*narratio*) используется исключительно для обозначения историографической проекции (интерпретации прошлого). Нарратив является лингвистическим концептом и отличается от других когерентных систем предложений, например, проповедей, романов, поэм, доказательств. Ближайшим к нарративу является роман, исторический роман, прежде всего. Демаркационная линия между нарративом и историческим романом позволяет, таким образом, отделять нарратив от всех других повествовательных жанров. Здесь, правда, необходимо учитывать, что граница между этими жанрами может быть очень неустойчивой.

На уровне общих замечаний сходство между историческим романом и нарративом очевидно: мы имеем дело с двумя уровнями высказываний, общих и фактических. Но

имеются и различия. Во-первых, автор нарратива занимается созданием (изобретением) исторического знания, он объясняет (подводит под закон), аргументирует. Автор исторического романа применяет эти обобщения к конкретным (воображаемым) историческим ситуациям. Во-вторых, в нарративе уровень фактических высказываний («Монблан фактов») подготавливает уровень общих высказываний (например, «ренессанс», «модерн», «постмодерн», «холодная война»). В историческом романе, наоборот, автор «проявляет» готовое историческое знание (известное ему из основных учебников), не выражая его явным образом, а посредством слов и поступков вымышленных персонажей, своего рода «гомункулов».

Таким образом, историк аргументирует в пользу «точек зрения» (почти метафор) на прошлое, романист применяет их. Но надо помнить, что теория и факты взаимонагружены. История помнит примеры абсолютизации этих модусов познания, например, «открытие» постпозитивизмом т.н. теоретической нагруженности факта, его абсолютной зависимости от методов получения, целевых установок, средств интерпретации. Получаем замкнутый круг: теория формирует факты, а затем использует их для своего подтверждения. Такие ситуации особенно часты в паранауках.

И все же. Историки формулируют и обсуждают «точки зрения» (по сути «социоисторические идентичности»), но, в отличие от исторических романистов, они не начинают с «точек зрения». В дальнейшем «точки зрения» дискутируются: историки аргументируют, не исходя из определенных «точек зрения», а в их пользу. И здесь «точки зрения» – это всегда выводы, но никогда не аргументы.

Однако «точки зрения», будучи общими высказываниями, не выводимы непосредственно из единичных высказываний наблюдения, т.е. фактов, и составляют наиболее ценную часть теоретического осмысления мира. По интуитивным и прагматическим соображениям они выглядят приемлемыми, а по логическим соображениям, как не поддающиеся верификации, должны считаться неприемлемыми и бессмысленными. Индуктивная дискурсия здесь буксует. В противном случае «точки зрения» могли бы быть сформулированы и теоретически неразвитым индивидом.

Интуитивно-дискретный, квантованный характер экспликации «точек зрения» (смыслов, идей истории) российский ученый В.В.Налимов называл распаковкой семантического вакуума (см. «Спонтанность сознания» (1989), «В поисках иных смыслов» (1993)). Понятие семантического вакуума введено Налимовым по аналогии с понятием физического вакуума, т.е. в значении континуума, в данном случае – континуума смыслов. В метафизическом плане автор ближе платоновскому отношению к идеям как к объективному миру, существующему помимо желаний определенного человека и вне его головы. Идеи (смыслы) не выдумывают, как фасоны шляпок, а открывают в синтактике, семантике и прагматике культуры, как острова в океане.

Существуют определенные правила построения нарративов, т.е. мы не можем говорить что угодно на любой стадии построения нарратива (см., например, соответствующие работы М. Фуко). Эти правила опосредуют наши высказывания. Они (правила) имеют социоисторический характер. Для человека, живущего вне общества этих правил не существует. Современные научные исследования сенсорной, социальной депривации, т.е. искусственные, добровольные «робинзоны» (см., например, [2], [3]) вскрывают конфликт душевного распада подопытного Робинзона, связанного со слабеющей способностью владеть языком, и, как результат, кризис самотождественности, идентичности. Следовательно, необходимым условием для рассказов, нарративов является осознание (память, прежде всего) своей социальной, социоисторической формы

жизни.

Следует учесть, что к истории, как и к прозе, вообще способны только те народы, которые приблизились к тому и исходят из того, чтобы понимать индивидуумов как существующих для себя в своем самосознании. Самосознание есть процесс эмоционального и иного самоотождествления личности с другим человеком, группой, образцом; формирование и обнаружение собственной идентичности (индивидуальности). С гибелью родового самосознания, появлением цивилизации и обособлением индивида возникает собственно самосознание личности.

Философы-нарративисты полагают, что постижение нашей самоидентичности («Яинт» – интенциональная уникальность и единство, целостность переживаний индивида) составляет главное дело историографии и необходимое условие для того, чтобы написание истории вообще стало возможным. Действительно, в формальном смысле, отчасти, справедливо утверждение о том, что осознание нами того, что у нас есть история самих себя (самоидентичность), является необходимым логическим условием для написания любой истории, т.е. для нашей способности различать во внешней исторической реальности «идентичности» («индивидуальности»). Однако форма содержательна, а содержание оформлено. Формы (нарратив, субъект истории, идентичность-индивидуальность) не «выпрыгивают» по типу *deus ex machina*. Здесь работает диалектика стихийного и сознательного.

Проблема идентичности, самосознания (шире – мировоззрения) адекватно решается, на наш взгляд, только в пределах философии современного материализма, а именно, материалистического понимания истории, т.е. объяснения действий людей не из их мышления, а из их потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в головах, осознаются).

Сознание не только отражает мир, но и творит его. Человек не обладает абсолютной полнотой бытия. По фрагментам бытия, включенным в практику, человек определяет целостное отношение к миру и к самому себе, и такая, высшая форма самосознания субъекта исторического развития называется мировоззрением.

Обосновывая принципиальное отличие современного материализма от других типов философствования, Энгельс писал: «Это вообще уже больше не философия («философия в старом смысле слова» как метанаука, т.е. беспредпосылочное знание – В.Ч.), а просто мировоззрение (диалектико-материалистическое мировоззрение – В.Ч.), которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках. Философия, таким образом, здесь «снята», т.е. «одновременно преодолена и сохранена», преодолена по форме (метанаука – В.Ч.), сохранена по своему действительному содержанию (мировоззрение – В.Ч.)» [4, с. 108].

Как только перед каждой отдельной наукой становится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука (ранее на этот статус претендовала метафизика-как-метанаука об априорных необходимых истинах) об этой всеобщей связи становится излишней. Современный, диалектический материализм есть общая теория движения, обобщающая специальные теории движения, созданные специальными науками. Здесь «логические формы» (категории) представляют собой лишь научные абстракции, необходимые теоретическому мышлению, но не образующие конкретного содержания процесса практического овладения законами природы и общества.

Удовлетворительное решение проблемы обоснования логики исторического нарратива находится, на наш взгляд, в правильной мировоззренческой трактовке

философского трюизма: «бытие мира есть предпосылка его единства». На первый взгляд, общим для всех вещей является то, что они существуют, бытийствуют. Однако это всего лишь видимость общности, а не ее суть. Действительное единство мира состоит не в его бытии, а в его материальности. Но эта последняя, как резонно полагал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», не доказывается парой фокуснических фраз, а длительным и сложным развитием философии и естествознания. Отрицание научной значимости понятия «материя» (субстрат, субстанция, объективная реальность) кантианцами и позитивистами по существу ограничивает познавательный процесс рамками «внутреннего мира» человека, что так или иначе тормозит развитие науки, следовательно, развитие общества в целом.

В длительном процессе познания объективного мира находятся и закрепляются в понятии материи ее действительно существенные признаки, отражающие наиболее общие свойства. Наиболее важными из этих свойств, по современным представлениям, являются устойчивость и изменчивость, дискретность и непрерывность. Эти свойства материи существуют в неразрывном единстве, и лишь наша потребность понять их органическую, диалектическую связь заставляет нас абстрагировать их в языке.

Многие философы и сегодня относятся к языку как к «субстанции» мира, всепроникающей квазиматерии, и буквально понимают мысль М. Хайдеггера «язык есть дом бытия духа». Так, известный французский философствующий лингвист Г. Гийом полагал (см. «Принципы теоретической лингвистики» (1973), что язык своими собственными средствами (не принадлежащими философии) определил и систематизировал в себе отношения, принадлежащие философии, такие, как отношение всеобщего и единичного, отношение, на котором везде строится архитектура речевой деятельности.

Всякое слово уже обобщает. Но язык не является предельным условием столкновения человека с миром, непосредственным фактором его (мира) освоения. Таким «абсолютным» условием является общественно-историческая практика.

Современный материализм полагает практику «субстанцией» познания. Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека (сознание – деятельность в форме отношения) фигурами логики; фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения. Логика, как резонно полагал В.И. Ленин, есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т.е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т.е. итог, сумма, вывод истории познания мира (см. [5, с. 84]).

Люди воображают, что оперируют категориями, фигурами логики как априорными, абсолютными, «пустыми» положениями, а это всего лишь абстрактное отражение наиболее общих и существенных общественных отношений. Человек в повседневной и научной жизни, в известном смысле, действительно пользуется категориями, фигурами логики априорно, но не в смысле происхождения этих фигур внеопытным порядком, а так, что, возникнув из опыта, из практики и развившись на этой материальной базе, они (фигуры) в последствии предваряют не только обыденный, но и научный опыт, и люди пользуются ими аксиоматически.

Таким образом, мысль философов-нарративистов (см. [6, с. 272]) об антропоморфной природе исторической наррации требует существенных оговорок. Проблемы нет, пока теория нарратива не выходит за рамки феноменологической, формальной констатации. Проблемная ситуация возникает в «вопросе-ответе» об источниках нарратива. Здесь

продолжается старый спор вокруг основного вопроса философии. Эта тема выступает на протяжении многих веков в качестве проблемы концептуальных разногласий, или проблемы поиска источника рационального авторитета, т.е. вопроса об индивидуальности или надындивидуальности необходимых истин.

Развивая эту тему, кантианство и неокантианство выделяет «гносеологию» в особую науку лишь на том основании, что априори допускает тезис, согласно которому человеческое познание не есть познание внешнего (вне сознания действующего) мира, а есть лишь процесс упорядочения фактов-элементов «внутреннего опыта»; онтология (метафизика) была противопоставлена гносеологии (науке о схеме устройства «субъекта познания»). Философ-материалист советского времени Э.В. Ильенков полагал (см. «Диалектическая логика» (1974), что мыслит с необходимостью вовсе не отдельный мозг и даже не целый человек с мозгом, сердцем и руками, а только труд есть тот «субъект», коему принадлежит «мышление» в качестве «предиката». Ясно, что с позиций современного материализма природа наррации социоморфна.

Историческая дискуссия ведется не по поводу фактов относительно прошлого, а по поводу интерпретаций прошлого, т.е. по вопросу о том, с какой «точки зрения» (шире – мировоззрения) следует рассматривать прошлое. Различные представления о будущем мешают, зачастую, достичь общего согласия относительно наилучшей интерпретации прошлого. Нарратив можно сравнить с картой: только будучи результатом абстрагирования от реальности, карта может быть полезной. Идеальным является нарратив, который сообщает сущность прошлого, т.е. является наиболее надежным руководством к настоящим и будущим действиям. Эта «сущность» есть творение философа истории. Но не стоит забывать, что философия – это самосознание, идентичность экономических, классовых обществ («не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»; философия, право, политика, религия и др. есть идеологические формы, в которых люди осознают экономический конфликт и борются за его разрешение). Наши нравственные идеалы влияют на то, каким мы видим прошлое. Обратное также верно: наше знание о прошлом частично определяет моральные цели, к которым мы стремимся.

Пристрастия людей изменяют историю: кто мирится с действительностью, тот не верит в будущее. Метафорический компонент нарратива определяет точку зрения, предполагающую конкретный вид действия. Нарратив предписывает образ действия, служит мостом между описанием и нормативностью. Регулярное столкновение нарративов в спорах создает «более объективные» нарративы. Современный философ-нарративист Ф. Анкерсмит резонно полагает «наиболее объективным нарративом тот, который максимально приближается к пропаганде (однако никогда не становится ею)» [6, с. 341].

Действительно, объективная историография максимально близка как науке, так и идеологии-пропаганде. Решающим для понимания процесса «идеологии-пропаганды» являются социальные интересы ее субъекта, их соотношение с интересами общества в целом и отдельных групп, к которым обращена «идеология-пропаганда». Цель идеолога-пропагандиста – убедить. Идеолог-историограф стремится убедить и максимально приблизиться к истине, т.е. создать «объективный нарратив», т.е. «научную идеологию» или «партийную науку». Для различных форм общности (род, племя, народность, нация, человечество) ценность объективного нарратива определяют критерии научности: непротиворечивость, подтверждаемость и эффективность. Здесь эти критерии приобретают решающее значение.

Историцизм был ярко выражен у философа-идеалиста Г. Гегеля, который полагал, что миром правит божественное провидение [7, с. 401] и законы истории объективны по отношению к людям. В этом и заключается, по Гегелю, «хитрость истории»: «Разум столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, позволив объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель. В этом смысле можно сказать, что божественное провидение ведет себя по отношению к миру и его процессу как абсолютная хитрость. Бог дает людям действовать, как им угодно, не стесняет игру их страстей и интересов, а получается из этого осуществление его целей, которые отличны от целей, руководивших теми, которыми он пользуется» [7, с. 397-398].

Современные материалисты (К. Маркс и Ф. Энгельс) перевернули (исторически необходимый этап комбинаторики альтернатив) эту мысль Гегеля (см. «Святое семейство, или критика критической критики» (1845)): «История не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [8, с. 102]. Другое дело, что вполне сознательная деятельность каждого конкретного индивида, суммируясь в общую (общественную) деятельность в процессе отчуждения, приобретает характер «исторического бессознательного», и в этом смысле люди «не ведают, что творят». «Историческое бессознательное» выступает отчужденной безличной, однако объективной силой, которая детерминирует уже на свой манер поведение индивидов. В теоретической ретроспективе такое поведение выражается социально-историческими формами.

Научный анализ этих форм, как писал К. Маркс в «Капитале» (см. [9, с. 85-86]), вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию; анализ начинается *post festum* (задним числом), т.е. исходит из готовых результатов процесса развития; формы успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни, прежде чем люди сделают первую попытку дать себе отчет не в историческом характере этих форм, – последние уже, наоборот, приобрели для них характер непреложности, – а лишь в их содержании; это – общественно значимые, следовательно, объективные мыслительные формы.

Это старая история: вначале всегда из-за содержания мышления не обращают внимания на его форму. Ранее на эту особенность («*post festum*») познания форм общественной жизни метафорически указал Гегель: «Сова Минервы вылетает в сумерки».

Резюмируем. Исторический нарратив формулирует тезис о прошлом или же предлагает определенную «точку зрения» (метафору), с которой следует рассматривать прошлое. Метафора синтезирует наши знания о мире и служит нам моделью для описания прошлого, например, исторических трендов: линии-стрелы, круга, волны, фрактала-ризома. Современным материализмом осознано, что существует только одна наука, наука истории (шире – диалектика). В диалектике же главное – разделение единого и познание противоречивых частей его. Устойчивость и изменчивость, дискретность и непрерывность – основные свойства материи абстрагированы языком диалектики в форме субъектов истории, приобретающих свою идентичность в дискурсах (нарративах). Формы общественной жизни, исторические идентичности, открываемые этой наукой, имеют объективный характер, но не по отношению к самим людям, продуктом деятельности которых они выступают, а по отношению к их сознанию. Осознав эти формы, люди могут воздействовать на них, ограничивать проявление одних и давать дорогу другим: это зависит от реального соотношения сил прогресса и реакции. Идентичность, как

и дискурсы, изменчива. Каждый субъект истории (идентичность-индивидуальность) проходит свой особенный путь от стихийности к сознательности, от отчужденных форм поведения к свободе.

Литература:

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с француз. В.П. Визгиной, Н.С. Автономовой. – М.: Прогресс, 1977. – 487 с.; Жеребкина И.А., Жеребкин С.В. Метафизика как жанр. – Киев: ЦГО НАН Украины, 1996. – 313 с.; Руднев В. Морфология реальности: Исследование по “философии текста”. Серия “Пирамида”. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 207 с.; Петренко Н.С. К проблеме нарратива в методологии истории // Философские науки. – 2000. – № 1. – С. 108-116; Деррида Ж. О грамматологии. Пер. с француз. и вступ ст. Н.С. Автономовой. – М.: Издательство “Ad Marginem”, 2000. – 511 с.
2. Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. – М.: Политиздат, 1989. – 304 с.
3. Уилсон Р.А. Психология эволюции. Перевод с англ. под ред. Я. Невструева. – К.: “ЯНУС”, 1998. – 304 с.
4. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. – М.: Политиздат, 1978. – 358 с.
5. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля “Наука логики” // Ленин В.И. Философские тетради. – М.: Политиздат, 1973. – 752 с.
6. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. Пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. Под науч. ред. Л.Б. Макеевой. – М.: Идея-Пресс, 2003. – 360 с.
7. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2. – М.: Политиздат, 1955. – 651 с.
9. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23 – М.: Политиздат, 1960. – 907 с.